

**«ПЕЧАЛЬ МОЯ СВЕТЛА...»
(ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПЕЧАЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С.ПУШКИНА)**

В.ПУЗЬКО*

На 200-летний юбилей великого русского поэта А.С.ПУШКИНА кто-то откликается словом, кто-то сердцем, автор откликается печалью.

ПРОЛОГ – БЛИЗОСТЬ ПЕЧАЛИ

В человеке существует глубина, которая стремится быть выраженной. И многие люди слышат эту глубину, но мало кто способен выразить ее. Известно, как эти избранные выражают ее, но неизвестно, почему именно они могут ее выразить. Сначала, как и мы, они направляют свой взгляд на внешнее и видят, что вокруг – «унылая пора» или «зимнее утро», но потом они возвращаются к чему-то в себе – и их «пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута – и стихи свободно потекут». Только гений способен выразить ту глубину, которая есть в каждом из нас, и за это мы боготворим его.

Когда я беспомощно немею, чувствуя эту глубину, то обращаюсь к пушкинскому гению, к выраженной им, но близкой и мне светлой печали. Мне печально, потому что мир печален в своей сущности. Он печален, поскольку устремлен к себе, но недостижим сам для себя. Остается только усилие к себе, возможность себя – или Еще-Не-Бытие (определение Э.Блоха).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – ПОНИМАНИЕ ПЕЧАЛИ

1.1. Печаль как предчувствие Еще-Не-Бытия

Какова же сущность печали в интерпретации психологов? Если психоанализ в лице великого З.Фрейда (1984) полагал природу печали в

* *В.И.Пузько* – Владивосток, Дальневосточная Государственная Морская Академия, кафедра философской антропологии, доцент, кандидат философских наук.

потере объекта либидо или в невозможности слияния с ним, то, по моему мнению, потеря всегда связана с *горем или меланхолией*, а природа печали в основе своей имеет **невозможность в будущем связи с потерянным или только воображаемым объектом**. Будущее всегда связано с фантазией, фантазия же – место пребывания поэтов, потому именно они так и наполнены думами о печали¹.

*И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...
(Осень)*

Именно с мечтами связывается печаль поэта, потому что они содержат то, что проектирует поэт как невозможное для достижения – *мечты*, не то, что он уже потерял, а то, что *хотел бы иметь*.

Три вещи в наследии Пушкина побуждают к печали – удивительная современность его понимания бытия российского интеллигента («угораздил же меня Бог родиться с умом и талантом в России»), подмеченные им постоянство российских двух зол – *дураков и дорог* – и периодичность в России *бессмысленного и беспощадного бунта* в ответ на нарушение правителями «вечного Закона».

*Владыки! вам венец и трон
Дает Закон – а не природа,
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.
И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям
Законом властвовать возможно!
(Вольность)*

И *выпечалил* он эту истину для нас в свое время из нашего Еще-Не-Бытия, как выявляет детская переводная картинка какой-то образ.

Мне кажется, что жизнелюбие Пушкина, «оптимизация» поэта в нашем отечестве стали, в свое время, скорее, мифом, знаменем советской идеологии, а не той духовной действительностью, которая в самом деле заложена в его поэзии.

Мне чудится, что *печать печали* легла на все его творчество задолго до того, как наступил «закат печальный». Об этом говорят не только все более усиливающаяся в его поэзии печаль природы, но и печаль телесности, образов, состояние души и духа.

«Работа печали» по З.Фрейду (1984) состоит в том, чтобы оторвать психическую энергию от любимого, но теперь утраченного объекта. И пока длится печаль, «объект продолжает существовать психически», а по

¹ (См. в Интернете: *печаль*).

ее завершении «я» становится свободным от привязанности и может направлять высвободившуюся энергию на другие объекты. Суть такого понимания сохраняется неизменной в современных концепциях и статьях (Ф.Василюк, Э.Киршбаум). Вместе с тем, прав Ф.Василюк, полагая, что эта теория – теория *забвения*, и в ней тщетно искать задачу *памятования*. Он же полагает, что на психологическом уровне главные акты мистерии горя – не отрыв энергии от утраченного объекта, а *устройство образа* этого объекта для *сохранения* в памяти (Василюк, 1984).

Человеческое горе конструктивно, оно призвано собирать воспоминания и творить память. Бывшее раздвоенным бытие соединяется здесь памятью, восстанавливается связь времен, и исчезает боль. У человека появляется способность не только эмпатически включенно пребывать в горе потери, но стать творцом своего *текста*, соединяя в памяти события так, как требует того переживание об ушедшем и фантазия, – встать в эстетическую позицию по отношению к свершившемуся.

И мы полагаем, что эмпатическое переживание – это и есть «работа горя». Когда же человек включает в события памяти фантазию и занимает эстетическую позицию, то с этого момента мы можем говорить уже не о горе, спутниками которого являются боль и эмпатия, а о «работе печали». Признаки печали – уход в фантазию и эстетическая позиция по отношению к *не-являющемуся* объекту.

*Меж горестей, забот и треволенья:
Порой опять гармонией уюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат
печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.
(Элегия)*

В фантазиях памяти образ ушедшего пропитан незавершенными совместными делами, неисполнившимися надеждами, неосуществленными желаниями, нереализованными замыслами... Все они не закончены, и потому работа фантазии обращена к тому, чего еще не было, но могло бы быть – к Еще-Не-Бытию. У Пушкина устремления и образы друзей, с которыми хотелось «отчизне посвятить прекрасные порывы», навсегда остались в «прошлом-будущем». И он, их Арион, продолжал в своей фантазии завершать не доведенные до конца дела и неосуществленные мечты о прекрасной заре «Отечества свободы просвещенной». В печали происходит преобразование психологического времени из погруженности «настоящего в прошедшее» (горе) – в «прошедшее-в-будущем».

1.2. Печаль как работа

В известных работах по психологии печали (понимаемой как горе)

берется в толкование только одно значение слова «печаль», имеющееся в русском языке:

Печаль – 1. *Чувство грусти и скорби, душевной горечи; 2. То, что печалит, событие, обстоятельство и т.п., вызывающее чувство грусти и скорби. (Словарь русского языка, 1987, т.3).*

Здесь мы усматриваем значение печали одновременно как 1) процесса переживания (ноэзис) и 2) именованя переживания (ноэма). Но, помимо названных, есть у слова *печаль* третье значение:

Печаль – 3. *Разг. **Забота**, беспокойство. (Не моя печаль. Мне что за печаль. Не было печали, черти накачали). (Там же)*

Иначе говоря, *печаль* –

1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. – В глубокой печали. Тихая печаль.

2. **Забота** (уст. и прост.). – Не твоя печаль чужих детей качать (посл.) Тебе что за печаль? Вот не было печали (говорится по поводу чего-либо неожиданного и неприятного). (Ожегов. Словарь русского языка, 1972).

Именно это значение – «**забота**», как будто устаревшее и забытое, но существующее в живом русском языке, как состояние духа, устремленное от прошедшего к будущему, упускается в понимании печали.

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ли в многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безусых,
Я предаюсь моим мечтам ...*

Пушкин печалится-заботится о будущем своей жизни, о своей смерти, о судьбе своего поколения и того, которое придет на смену:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

*(Брожу ли я вдоль
улиц шумных...)*

Итак, как З.Фрейд показал обращенность человека в состоянии скорби и меланхолии к прошлому, так и Ф.Василюк указал на то, что горе есть памятование, когда сознание, отказывающееся быть в «здесь-и-теперь», ускользает в «настоящее-прошлое». Мы же полагаем присутствие этапа «прошлое в будущем» как *заботу* о будущем, которого еще нет или уже не может быть. И различие феноменологии горя, скорби, меланхолии, с одной стороны, и феноменологии печали, с другой, как раз и видится в том, что темпоральность сознания в печали иная – обращенная к тому, что могло бы быть, – к Еще-Не-Бытию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ – ПЕЧАЛЬ ПОНИМАНИЯ

2.1. Телеология печали, или О чем печалится-заботится поэт?

Печаль как переживание мира. В феноменологической редукции – *опыте души* – феномены действительно внутреннего опыта создают единство многообразия интенционального поля индивидуального сознания. В печали как заботе человек проявляет себя как гений своего единства – его забота есть двойственная направленность сознания: направленность на объект заботы – это *его забота* – объект служения, любви, и на само состояние сознания – заботливости – служения, любви, дружелюбия.

Поскольку искусство создает «конкретное интуитивное единство» мира и познания его художником, тем самым создавая «доброту эстетического, его благость» (М.Бахтин), то печаль, которая разлита в творчестве Пушкина, – это печаль как мира, *так* увиденного поэтом, и вместе с тем *способа* познания мира – его понимания; как ноэма печальна, так и ноэзис печален.

Как трансцендентная проблема, тайна творческого начала, которую невозможно решить психологическими средствами, выходит за пределы психологии и устремляется дальше, за пределы существования – в область только возможного бытия... Это не проблема личного невроза: поэт – тончайший инструмент проблем духа, от имени которого говорит поэт. Психология творческого индивида, по К.Юнгу (1991), – собственно женская психология бессознательных бездн царства Матери. И то царство, к которому мы обращаемся, – это женское материнское начало – печаль-забота (неслучайна печаль-забота образа Матери-Богородицы). Эта печаль поэта, обусловленная невозможностью материнского бытия мужчины-поэта, реализуется как его материнская потребность заботиться о мире, которую он, будучи творцом, осуществляет в творчестве: вобрать в себя мир – зачать его и забеременеть им, выносить в своей утробе и родить в своем слове. Он несет в себе росток всего мира и выпечаливает его в слове, как колыбельную для дитя.

*Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека, –
Ужель один недвижим будет он?
(Была пора...)*

Печаль как состояние духа. Но в творчестве поэта получает удовлетворение и душевная потребность народа, и творение поэта всегда говорит от имени духа человеческого. У Пушкина этот дух не меланхоличен, как дух лермонтовского Демона, а печален по-пушкински. По-пушкински, потому что печаль пушкинская не горькая, она родом не из темноты горя и горечи. Она – светла, родом от того света, который идет от опыта понимания мира. Именно эта светлость, видимо, и принималась не за свет духовный, а за оптимизм и постоянство жизнелюбия.

Интерсубъективная редукция к феноменологическому единству

жизни общества – полнота внутреннего *интерсубъективного* опыта. У Пушкина – этот интерсубъективный опыт созидался то лицейским братством, то арзамасским творческим союзом, то чутким участием слуха гения в народно-духовном мире, услышанном от няни. В пору зрелости его таланта другой поэт – Адам Мицкевич свидетельствовал: «... он ныне более любил вслушиваться в рассказы народных былин и песен и углубляться в изучение отечественной истории. Казалось, он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву» (Сергеев, 1975).

Эйдетическая редукция печали – сущностная форма сферы психического бытия есть *инвариантная структура*. Пушкинская печаль – голос поколения, эпохи, национального не в смысле сарафана, а в смысле **состояния духа** (Н.Гоголь). С одной стороны, это печаль духа, проникшего в глубины корней «дерева яда» – необходимости власти и раба друг в друге (*Анчар, Борис Годунов, Медный всадник, Капитанская дочка...*). Трагедия «*Борис Годунов*» – это гениальная забота – пророчество о судьбе государства Российского, о совести и власти в России, о власти и народе, где народ безмолвствует, не внемля своему будущему. Печать печали на думах о власти и судьбе народной – «печать проклятия», «ужас мира, стыд природы, упрек ты Богу на земле». Эта постоянная забота-печаль поэта о непонимании власти и народа, о рабской и бунтарской сущности души народной – с самого начала творчества и до самого конца, до незаконченной истории пугачевского бунта. Власть постоянно без своего народа, и народ – без власти: безвластный. И как следствие непонимания души и своего духа самим народом – бунт бессмысленный и беспощадный.

А с другой стороны, печаль поэта – от глубины понимания слабости только «союза друзей», неспособного в одиночку одолеть этот рабско-владыческий дух. Печаль пронизывает весь этот опыт понимания, – как трагедии декабристского поколения, так и предчувствия *онегинского* потерянного поколения – «*все уже круг друзей*».

Но это не форма горя, поэтому так зрело из настоящего-будущего звучит голос поэта: «повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». И в своей печали-заботе о них обращается он к прошлому-будущему:

*Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!*

(М.Пушину)

Печаль Пушкина – это место Не-встречи Я поэта и мира Мечты. Но это не скорбь, не горе, не меланхолия... Постижение печали в творчестве

поэта явно ведет нас к печали понимания поэтом мира и, возможно, к печали понимания вообще: «Умножая знание, мы умножаем скорбь» (Ветхий завет).

И наш путь пролегает *от понимания печали к печали понимания*. Ибо попытка понять всегда безутешна, тем не менее, понимание есть онтологическая забота о своей истине, и хотя понять что-либо НЕ-возможно, возможно быть в пути понимания. У нас нет возможности понять, как ее не было и у Иова («Зачем дан человеку свет?», если он все равно окружен мраком), но лучшее, что у нас есть, – возможность осветить «солнцем бессмертным ума» гения свою «ложную мудрость».

Ноэма печали – Мир печали

Природа печали в поэзии Пушкина – это смыслопостижение им мира. Единицы этого смысла – те многообразные явления, которые заполняют поэтическое пространство: картины природы, общества, образы, чувства, желания. Внутренний, феноменологический, опыт поэта исполнен печали.

Тело печали. И его взгляд выбирает вокруг себя те феномены бытия, которые и дают возможность семантически определить его состояние, его смыслы. Любимая пора года – осень – время увядания, прощания, печали.

*Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса –
Люблю я пышное природы увяданье...*

Или те места, которые он называл «брега печальные туманной родины моей», где

*... Уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога
промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл...*

Чем более зрелым становился талант поэта, тем больше его взгляд притягивал невзрачный российский пейзаж, унылый образ, печальный характер – одним словом, **тело печали**.

Печаль чувств. Счастлива судьба творчества поэта, у которого есть такой читатель, каким был у А.Пушкина В.Белинский. Именно В.Белинский обнаружил, что до Пушкина в русской поэзии не было души, и «Пушкин призван быть живым откровением ее тайны на Руси» (Белинский, с.9) со всей «глубокостью грустного чувства»:

*Печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, тобой одной... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,*

*И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может*

*(На холмах Грузии
лежит ночная мгла)*

НЕ-бытие разворачивается в бытие печали: «не-может-не-любить» – вот сердце печали. Но не меланхолии, не скорби. Ибо эти два состояния – феномены потерь, а печаль – феномен полноты заботы. Удивительна точность поэта. Если «может и любит», то, конечно, печали места и нет, ибо «здесь и теперь» все начинается и кончается. В этой полноте нет бытия возможности-невозможности. «Может и любит» – это уже действие, и занятый действием в «здесь и теперь» не имеет перспективы *быть*, его судьба – истаять в действии и превратиться из Есть в Ничто. Поэт же точно слышит указание на *неиставивание* состояния «не любить не может»: исходить всякий раз из еще Возможного, вероятного – и тогда ты всегда в начале разворачивающейся возможности исполнения чувств, все время в полноте пребывания в себе и в мире, потому что «НЕ любить оно НЕ может».

Печаль указывает на не-достижимость объекта как необходимость и возможность быть еще не-растраченным, еще исполненным полнотой бытия. И печаль – поэтому светла присутствием Духа, не выпущенностью его в действие. НЕ – это состояние духовной полноты, нерастраченности.

Поэзия есть тогда, когда у поэта нет чего-то, и он извлекает его из НЕ – в поэтическое. Уже нет многих друзей и любимых, другие же далеке, нет и многих иллюзий, надежд, но остается забота о том, что может быть:

*Пора, мой друг, пора! **покою** сердце
просит, –*

*Летят за днями дни, и каждый час
уносит*

*Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь, как раз
умрем.*

*На свете **счастья нет**, но есть **покой и
воля.***

*Давно завидная **мечтается** мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю тревог и чистых нег.*

*(Пора, мой друг,
пора!)*

Печаль образов. Как много печальных образов наполняют творчество поэта: безумный Германн, печальная Лиза у окна, безумный герой «Медного всадника», печальный образ Татьяны и поверженный – Онегина, судьбы героев «Маленьких трагедий». Печальны и сказки по своему содержанию, а многие и по исходу, что не традиционно для

народной сказки («О рыбаке и рыбке», «Золотой петушок»).

В творчестве Пушкина не случаен факт, что сюжеты комедийные он сам не написал, отдал их Н.Гоголю. Для другой стороны русской действительности должен быть другой гений, и это прекрасно чувствовал Пушкин.

Язык печали. Трансцендентальный опыт – это не мирской опыт, потому что он открывает не то, что есть в мире, а то, чего в нем НЕТ. Этот опыт выходит за границы человеческого восприятия, но остается в пределах человеческого бытия. Исследование трансцендентального – это исследование предельной структуры сознания: в Я-сознании – Мы-сознания, общности душевной жизни (архетипы в индивидуальном сознании). «Национальный поэт выражает в своих творениях и основную, безразличную, неуловимую для определения субстанциональную стихию, которой представителем бывает масса народа» (Белинский, 1975, с.24). И располагает это неуловимое в языке поэта: не только в словах, но в интонации и паузах, в сгущениях мысли и умолчаниях. В пушкинском духовном открытии «на свете счастья нет, но есть покой и воля» мы слышим ломоносовскую интонацию духовного прозрения: «открылась бездна» и нет «*бездне – дна*». Пушкин обладал «тактом действительности», темпоральностью жизни-смерти:

*Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна бокала,
полного вина,
Кто не дочел ее романа и мог
расстаться с ним...*

Здесь мы вновь встречаемся с узнаваемым НЕ- и, наконец, понимаем, почему тот, кто НЕ- (...дочел, ...долюбил, ...дожил...) «блажен», ибо он расстался с жизнью в полноте своего бытия, не успев познать пустоту Ничто, бессмысленность бытия.

Пушкин, открывая русскую литературную речь для нации, открыл сокровенную суть ее языка и духа – богатство безличных предложений с неповторимой для синтаксиса других языков щемящей печалью их интонаций: «смеркается, рассвело...». Печать печали лежит на всем языке чувств и дум поэта – это акустическое, внеязыковое, но речевое требование языка. У Пушкина «стих, который, как тело человека, есть откровение, осуществление души-идеи» (Белинский, там же, с.7). Способность к восприятию того, что НЕ выражено словом, но разлито в духовной атмосфере, и способность дать этому художественную форму – это абсолютная сторона духа человека.

Он не ввел новые ритмы и интонации в русскую поэзию, он их *образовал*, т.е. об-наружил в российском бытии и дал им ритм «онегинской строфы».

Не это ли та самая *загадка русской души*: никогда не совпадающая с

действительностью, всегда мечтательная, всегда только потенциальная, протяженная оттого, что вечно протянута к возможному из своего НЕ...сделанного, ...построенного, ...достигнутого? Не отсюда ли русская нация так припала к утопии коммунизма, что это долго еще – НЕ-возможное? Дух русского человека выявляется в только ВОЗМОЖНОСТИ чуда. И весь русский фольклор переполнен верой в чудо мечты: золотую рыбку, шуку-вещунью, чудо-печку, волшебных всемогущих жен Василис, Премудрых и Прекрасных.

Великий поэт Пушкин в языке, ритмах и интонациях выявил печаль как сущность российской действительности, образ ее национального духа и придал ей осязательную очевидность образов для нашего созерцания, со-пряжения и узнавания себя же «в зеркале» поэтического и прозаического пушкинского Слова.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М. Литературно-критические статьи. М., 1986, С.43-50.*
Белинский В. Статья пятая. Избранное. М., 1975.
Василюк Ф. Переживание горя.
Гуссерль Э. Феноменология. // Логос. № 1, 1991, с.12-21.
Пушкин А. Избранные сочинения в 2-х томах. М., Художественная литература, 1978.
Сергеев М. Перо поэта. Иркутск, Восточно-Сибирское изд-во, 1975, с.171.
Фрейд З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. М., 1984, с.203-211.
Юнг К. Поэтическое творчество // Архетип и символ. М., 1991, 297 с.